

В.Н. ДЁМИН,
доктор философских наук, член Союза писателей России

ТАЙНА ТУЛЬСКОГО ПРЯНИКА, **ИЛИ КОЕ-ЧТО О ПРЕДЫСТОРИИ РУСИ**

Кто не знает тульского пряника? Есть ли на свете такой человек, кто бы хоть раз его не пробовал? Но каждый ли знает, откуда пошло это почти что национальное лакомство? Что вообще оно означает? Само слово — откуда взялось? Обычно его этимологию связывают с понятием «пряность»: подсыпали, дескать, в тесто перец-корицу — вот и пряник получился. Ну, до чего же у нас ученый люд наивный: прянику на роду — многие тысячи лет, а мода на пряности в Европе расцвела лишь с эпохой Крестовых походов и Великих географических открытий, на Руси же — и того позже. Стоили заморские приправы долгое время баснословно дорого — не до баловства народу, который тем не менее испокон веков привык всласть лакомиться заветной выпечкой.

Ключ к объяснению, как всегда, подсказывает Словарь Владимира Даля. Читаем: «На другой день свадьбы молодые идут на поклон к родителям невесты с *пряником*». Заметьте, только к родителям невесты, но не жениха. Что сие означает? А то, что свадебная пряничная традиция имеет глубокие архаичные корни и восходит ко временам матриархата, когда женская сторона играла главенствующую роль. Сколько лет обычаю — столько лет и прянику (счет при этом идет на десятки и сотни *тысячелетий*). Так что оставим в покое «пряности» и обратимся к более надежным вещам.

Пряников по рецептам изготовления, всяческим добавкам и формам выпечки существует великое множество. Особенно популярны повсюду *печатные* пряники. Они изготавливаются с помощью специальных досок, с вырезанными на них различными фигурами и узорами, которые и отпечатываются на пряничном тесте. После выпечки получается настоящее произведение искусства, его подчас даже жалко есть. Старинные русские пряничные доски демонстрируются во многих краеведческих музеях. В художественном музее-заповеднике Талашкино, что под Смоленском, экспонируется старинная доска для печатания свадебных пряников. Замысловатый узор на ней — не просто украшение, перед нами в символической форме изображена целая Вселенная — древнейшее представление русского народа о Мироздании и его основе — Женском начале. Говоря словами известной русской былины, перед нами «вся красота поднебесная». Такие символически обобщенные картины Мироздания часто изображались на шаманских бубнах. Возраст русской пряничной космологической доски — около двухсот лет, но таинство орнамента — в резьбе ли, в вышивке или в кружевах — пришло из глубины веков и всегда передавалось из поколения в поколение.

Самый знаменитый пряник — тульский: он так же знаменит, как тульский самовар — только на много тысячелетий старше. Тульский пряник запечатлел в себе сразу две тайны: тайну самого пряника, к разгадке которой мы уже приближаемся, и тайну названия города Тулы, с именем которого он сроднился (о чем чуть далее). Профессор Тульского педагогического университета Владимир Николаевич Назаров читает для студентов спецкурс по

эзотерике Окского региона и Тульского края, пользующийся колоссальным успехом. Он-то и навел меня на мысль (за что выражаю свою искреннюю признательность) о древнеарийском происхождении русского слова «пряник». Его этимология коренится в древнейшем индоевропейском корне, хорошо известном из йогической практики под названием *прана*. Гипотеза вполне правомерная, ее можно развивать и дальше.

Система дыхательных упражнений в йоге, как известно, называется *пранаяма*, однако санскритское слово *прана* имеет несколько смыслов: не только «дыхание», но и «ветер», и «жизненный ток». Древний корень и первичный смысл отчасти сохранялись еще недавно в русском слове «прание» («парение»): в одном из Азбуковников XVII века оно объяснялось как «по воздуху летение». Таким образом, если выводить лексему «пряник» из его общеарийского словесного первоисточника, то по первоначальному смыслу оно означает саму Жизнь! Это и не удивительно, если учесть, какую роль играл пряник в ритуальной свадебной практике. Его сакральный символизм обеспечен и другими смысловыми нюансами древнеарийского корня. Так, почти исчезнувшее из современного обихода исконно русское слово «пряжение» (помните, песенку Колобка, который «в масле пряжон»?) означает «жаренье» и связано с понятием «жара» — не только в смысле огня в очаге, но и в смысле пламени души и жара любви.

«Пряжение» созвучно с другим смыслозначимым термином — «прядение» (первоначально они наверняка были тождественными). Процесс прядения ассоциировался у многих народов мира с образом Небесной пряжи. По древнейшим представлениям индоевропейцев, человеческое бытие — не что иное, как нить жизни, которую прядет богиня Судьбы. У славянских народов ее называли Девой судьбы, считалось, что их несколько, как минимум три: одна отвечает за рождение, другая оберегает на протяжении жизни, третья обрезает жизненную нить, что означает смерть. Таким образом, реконструируя первоначальное значение, получим: «прана» — «жизнь» («дыхание»), «пряжа» — «судьба», «пряник» — символ жизни и судьбы. Именно в таком смысле и использовался пряник в ритуале русской свадьбы.

Теперь о Туле. Имя этого города русской славы коррелирует с автохтонным названием древней северной прародины человечества Арктиды-Гипербореи, где царил Золотой век. Она погибла в результате глобального катаклизма и погрузившейся в пучину Ледовитого океана. Уцелевшие остатки прапредков современных народов из-за наступившего похолодания вынуждены были постепенно мигрировать с севера на юг. Гиперборея — понятие искусственное: так эллины прозывали Крайний Север («[край] за северным ветром-Бореем»). Страбон в своей «Географии» называет собственное имя древней страны — Туле или Тула.

Нередко пишут Фула. Откуда такое разночтение? В греческом языке топоним-символ таинственного и недостижимого Севера, пишется через «тету» и воспроизводится в разных языках по-разному — и как Туле (Тула), и как Фуле (Фула). В русском языке принята одновременно и та и другая вокализация. Например, название знаменитой баллады Гёте, написанной им еще в 25-летнем возрасте и включенной впоследствии в 1-ю часть «Фауста», переводится нынче исключительно как «Фульский король». В немецком же оригинале четко значится «т»: *“Es war ein König in Thule...”* (дословный перевод: «[Жил]-был [один] король в Туле»). В «Фаусте» эту балладу напевает беззаботная Маргарита, еще не ведающая о своей трагической судьбе. Между тем во

практически во всех переводах «Фауста» (а их на русском языке насчитывается до десяти), включая классические переводы В. Брюсова, Н. Холодковского и Б. Пастернака *Thule* передается либо как Фуле. Лишь Афанасий Фет (он также перевел обе части «Фауста») поставил в точном соответствии с оригиналом Туле (через «фиту»), но его перевод не переиздавался с конца XIX века.

Конечно, вряд ли российская Тула имеет прямое отношение (по принадлежности) к древнему Туле. Однако налицо самоочевидное свидетельство: прапредки русского (так же, как и саамского) народа вполне могли знать о существовании легендарной страны, название которой означало нечто скрытое и заветное — он-то и дал наименование тому месту, где впоследствии возник город Тула (дословно — «потаенное место»). Именно такой смысл имеет, согласно Словарю Владимира Даля, понятие «тула». Это — «скрытое, недоступное место» — «затулье», «притулье» («тулить» — укрывать, скрывать, прятать и т.п.). Русская Тула — действительно сакрально-потаенный центр на русской карте, что связано с его географическим расположением, геологическими и геофизическими особенностями, ферроэнергетикой железно-рудных месторождений. В стародавние времена они, как магнитом, притягивали сюда людей, быстро становившихся благодаря уникальному биосферному и ноосферному влиянию рудознатцами, плавильщиками железа, кузнецами, мастерами и хитроумными умельцами, слава о коих шла по всей Руси. Всякий, кто сегодня живет в Тульском крае, также невольно приобщается к сей неизбывной тайне Матери-Земли и становится носителем неисчерпаемого энергетического потенциала, сокрытых в ее недрах.

Есть и другие русские слова архаичным корнем «тул»: «туловище» — тело без учета головы, рук и ног; «туло́» — колчан в виде трубки, где хранятся стрелы (отсюда — «втулка»). Производными от той же корневой основы в русском языке являются слова: «тыл» — затылок и вообще — задняя часть чего-либо, «тло» — основание, дно (в современном языке сохранилось устойчивое словосочетание «до тла»); «тлеть» — гнить или чуть заметно гореть и т.д. Тем самым имя города Тула имеет богатейшее смысловое содержание. Интересно, что из истории известна еще одна Тула — столица древней центральноамериканской империи *тольтеков* (само название народа того же корня). Топонимы с корнем «тул» вообще имеют чрезвычайное распространение: города Туль, Тулон и Тулуза во Франции, Тулча — в Румынии, Тульчин — на Украине, Тулымский камень (хребет) — на Северном Урале, река в Мурманской области — Тулома, озеро в Карелии — Тулос. И так далее — вплоть до самоназвания одного из дравидских народов в Индии — *тулу*.

О далекой северной островной земле *Тулия* или *Тули* на перебой сообщали и средневековые арабские авторы — географы, историки, космографы. Так, философ Аль Кинди писал об огромном острове Тулия и большом городе на нем с тем же названием, расположенных «в северном конце обитаемой земли, под северным полюсом». Космограф Димешки, развивая данные сведения, подчеркивает, что земля Тулия населена *славянами*. Сказанное перекликается с известиями об Острове руссов других арабских путешественников и купцов, побывавших на Руси в основном еще во времена язычества. О таинственном «тульском народе» рассказывается в литературном памятнике, посвященном одному из создателей славянской письменности — Кириллу (в миру Константину). В Житии одного из солунских братьев, создателей славянской письменности, (известном не менее чем в 48 списках)

говорится о путешествии Константина (еще до создания кириллической азбуки) по землям Хазарского каганата, куда в то время входили и славянские земли. Здесь имеется явно инородная вставка неизвестного происхождения о встрече с язычниками-древопоклонниками, поименованными *тульским (фульским) народом*.

Погибший материк Тула-Гиперборея неожиданно появляется из океана забвения и в одной из беломорских былин о Потыке, записанных в конце XIX века Алексеем Владимировичем Марковым от неграмотного крестьянина Власа Ивановича Чекалёва, тот, в свою очередь, слышал ее от стариков-поморов. Что за имя такое Потык — толком пока никто не объяснил. Но от былинного сюжета так и веет глубокой архаикой: здесь и коварная жена-колдунья Марья Лебедь Белая с ее загадочной смертью и не менее загадочным воскрешением, и погребение заживо (читай — путешествие на Тот свет) самого Потыка. Но сейчас речь идет о другом.

Беломорская былина о Потыке из сборника Маркова интересна во многих отношениях. Например, она включает в себя в качестве проходного эпизода сюжет о бое Добрыни Никитича со Змеем. Добрыня — один из трех названных в былине членов дружинного братства. Два других — Илья Муромец и Потык. Есть еще двенадцать не названных по имени богатырей, которых взял в плен король *Тульской земли*. Ее властитель, естественно, зовется *Тульским королем* — ну точь-в-точь как в знаменитой балладе Гёте (вот ведь какие невероятные совпадения случаются!). Другими словами, в русской былине сохранилась память о древней прародине индоевропейских и других народов земли Туле-Гиперборее. Предлагавшееся же маститыми учеными толкование: дескать, под Тульской землей следует понимать Турцию (а под Тульским королем — турецкого султана) — ни в какие ворота не лезет. Хотя бы потому, что сюжету русской былины многие тысячи лет, а турки-османы появились в Малой Азии и стали историческими соседями Руси только в XIV веке. Не подходят на роль туляков-гиперборейцев и летописные торки.

По справедливости говоря, Тульский король захватывает в плен русских богатырей не вероломно, а вполне честным путем: он выигрывает их у князя Владимира в “пешки-шахматы”. Стольнокиевский князь сначала проиграл Хозяину Тульской земли золотую казну, а затем, войдя в азарт, — в придачу еще двенадцать богатырей-телохранителей. Вызволить заложников из не слишком почетного плена и берется отважный богатырь Потык. Выполняет задание он блестяще: отыгрывает не только русские деньги и незадачливых пленников, но еще и жену себе в придачу — Тульскую царевну по имени Авдотьюшка (нижеследующий текст приводится в точном соответствии с фольклорной записью):

*Да отправилсэ (так!) Потык в землю Тульскую,
 Ко тому королю-ту (так!) да земли Тульская.
 Приезжал ведь Потык да сын Ивановичь,
 Ише сам говорил ёму таковы речи:
 «Уж ты вой (так!) еси, король да земли Тульская!
 Я приехал играть во пешки-ти как во шахматы».
 Они садилсь играть с королем де земли как Тульская.
 Да недолго ведь Потык как отыгрывал:
 Он ведь ступь-ту ступил, на другой ведь мат дает.
 Отыграл-то у ёго золотй казны сорок тысячечей,
 Отыграл у ёго двенадцать-то всих богатырей,*

*Он ведь выиграл у ёго да любимую доць,
 Да любимую доць да одинокую
 Ише по имя Овдотьюшку, Лебедь Белую...*

Дочь Тульского короля становится второй женой Потыка. Она, как и первая, — носительница гиперборейской символики. Лебедь — древнейший символ Солнцезбога Аполлона Гиперборейского (такой эпитет по месту рождения дали ему эллины) и всей Гиперборееи-Тулы. Лебедь, первоначально означавший родовой тотем, запечатлелся и в образах других античных богов (Афродита, Зевс-Лебедь, соблазвивший Леду), а также в образах Лебединого рыцаря Лоэнгринга, классических валькирий с лебедиными крыльями на шлеме и сказочных Лебединых дев — популярных персонажей русского, германского, кельтского и другого индоевропейского фольклора, — вдохновивших Пушкина на поэтический образ Царевны-Лебеди. Архаичные лебединые образы широко распространены и в других культурах Евразии.

В беломорской былине о Потыке две таких царевны, два антипода — как Белый и Черный Лебедь в балете Чайковского «Лебединое озеро». Центральное место в русской былине (в любых ее вариантах) занимает демоническая Марья Лебедь Белая (в варианте, записанном А. Марковым, она вообще «змеиноного происхождения» и именуется то Марьей, то Марфой). Она не только соблазняет Потыка, но и попеременно обращает русского богатыря в черного ворона, коня, горноста и «серый камешок». От каменного заклятия Потыка освобождает Илья Муромец, забрасывая «камешок» в поднебесье. Илья же как глава дружинного братства помогает Потыку расправиться со злокозненной женой. (Напомню: стержень былины о Потыке составляет эпизод с заранее замысленным умиранием Марьи Белой Лебеди, дабы взять с богатыря слово — последовать за ней в могилу. После того, как оба оказались в Подземном царстве, Марья воскрешает себя и пытается по-настоящему убить мужа. Здесь-то на помощь и приходит Илья Муромец: коварный замысел не удастся, и богатыри-побратимы не без удовольствия вешают коварную демоницу в «петёлке вареной»). Потык женится на второй Белой Лебеди — гиперборейке-тульчанке Авдотьюшке, дочери короля Тульской земли. Интересно, угощали ли пряниками гостей на том тульском свадебном пиру? И как же в таком случае те пряники называть? Не иначе ведь как *тульские!*

Так древняя предыстория Руси приходит к нам в не умирающих фольклорных образах, сюжетах и мифологемах, в народном орнаменте, древних узорах, символике резьбы, росписи, обряда. Лучшее подтверждение тому — такой бесхитростный, такой ароматный, такой вкусный и такой знаменитый тульский пряник!

Опубликовано в еженедельнике «Литературная Россия» за 2000. № 45.